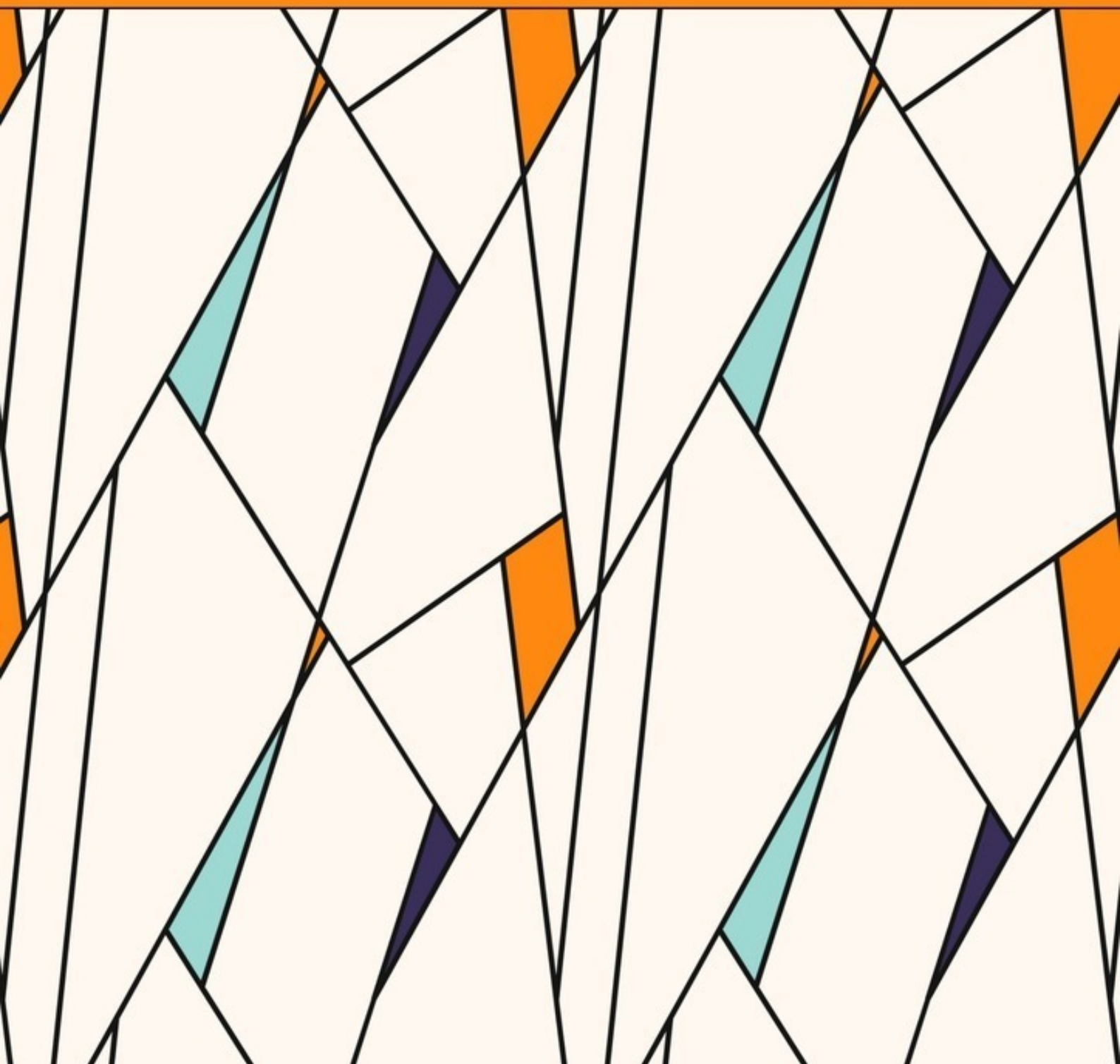

Ася Рождественская

Ромашковый чай

Ася Рождественская

Ромашковый чай

«Издательские решения»

Рождественская А.

Ромашковый чай / А. Рождественская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859289-8

Странная девочка Лика, достигнув совершеннолетия, сбегает из родной деревни, исполненная амбиций. Она рвёт связи с близкими, избавляется от мучивших веснушек, заводит новых друзей. Но тут с ней начинается что-то неладное... Погибает любимая подруга, и Лике начинает казаться, что она ворует жизненные силы у людей, «которые умеют радоваться солнцу». Как на зло, девушку непреодолимо тянет именно к таким людям. Как только Лика свыкается со странными способностями, в её жизни появляется он...

ISBN 978-5-44-859289-8

© Рождественская А.
© Издательские решения

Содержание

Странная девочка	6
На три секунды дольше	8
Сбежавшие из деревни	10
Рассвет, или Девочка, которая умеет радоваться солнцу	12
Притяжение	15
Светлая печаль	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ромашковый чай

Ася Рождественская

© Ася Рождественская, 2018

ISBN 978-5-4485-9289-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странная девочка

Маленькая девочка гонялась за бабочками по ромашковому лугу. Она ещё не умела плести венок, и поэтому сорванные цветы вплетала прямо в лохматую рыжую копну кудряшек. Она гонялась за бабочками, а ловила – веснушки. Ловила столько, сколько могло уместиться на её вздёрнутом носу и круглых, как яблоки, щеках. Она слышала от взрослых, что веснушки – это поцелуи солнца. И восторженно закидывала голову, воображая, что солнце любит её сильнее всех на свете, потому что она – особенная.

Девочка каждое утро бежала на эту поляну, чуть приподнявшуюся холмом между краем деревни и дубовой рощей. Одно дерево как-то выбилось из общего строя и поселилось прямо на вершине холма. Обнимать его – было для девочки обязательным ежедневным ритуалом. Обхватить его она не могла, а только прижималась распахнутыми руками и правой щекой к тёплой шершавой коре.

Годам к четырнадцати эти веснушки перестали быть украшением. Она старалась меньше бывать на солнце, но куда уж там... в деревне. Она натирала щёки кусочками лимона, кислющий сок смешивался с солёными слезами, кожа бледнела, и ярче выступали наглые веснушки. Нет, теперь это уже были не веснушки, а отвратительные, мерзкие конопушки! Конопухи, как она сама говорила. И не было рядом никого, кто сказал бы ей, как она очаровательна. Никого, кому бы она нравилась. Зато был он. Тот самый «он», который появляется у каждой юной мечтательницы в то самое лето, когда она решила, что уже может любить.

В своей деревне она ни с кем не общалась. Там всего-то молодёжи было две пары. И те, и другие – чуть постарше её. По вечерам они врубали автомагнитоу в старенькой «семёрке» так, что звук, который сложно назвать музыкой, грохотал на всю улицу. Самая бойкая из бабушек, собравшихся на скамейке, добиралась до них, грозилась тростью. Тогда они нехотя заводили свою железяку и ехали за село дослушивать любимые «композиции» под пивко.

Её подруги жили за три километра, в соседнем селе, где была школа, клуб в здании старой двухкомнатной конторы, киоск, автобусная остановка – одним словом, цивилизация. Но девочка обычно общалась с ними только в школе, она не любила бывать в «большом» селе лишней раз. Пока не появился он.

Он сначала ни в какую не хотел ехать за город, ругался с матерью, психовал: курил, пинал пыль на дороге, ну и как там обычно подростки психуют. Потом смирился. Это было первое лето, когда мать отправила его к родственникам в глухомань. И на её причины, на её личную жизнь ему хотелось плевать. В городе остались друзья! А его послали «отдохнуть, подышать свежим воздухом и помочь бабушке на огороде». Но и здесь он как-то быстро скорешился с местными пацанами. Пацаны вообще быстрее находят общий язык между собой, чем девочки.

Единственным местом для тусовок в селе был школьный двор. Здесь она впервые увидела его. Здесь и в последующем проходили их встречи. Это были не такие встречи, как любят девочки. Час, а то и два в день она проводила в безмолвном созерцании того, что был всего на свете прекрасней. А потом изливала тетради печаль: «ах, он меня не замечает...»

«Ах, он меня совсем не замечает. А я глаз не могу оторвать от него, когда они с мальчишками играют в футбол. Он даже по полю бегают не как все. Он как будто летает, за ним не может угнаться никто. Впервые вижу человека, который умеет летать»

И в самый первый миг, когда она увидела его, он летел. Перелетал через искусственное препятствие, где школьники сдавали нормативы. Да, именно перелетал, а не перепрыгивал, потому что его ступни не касались земли на три секунды дольше, чем это возможно. Этих трёх

секунд ей хватило, чтобы влюбиться. А потом он побежал, с наслаждением откинув голову, лицом навстречу деревенскому воздуху.

«И пусть он улыбается не мне, главное, что он т-а-к улыбается. А я могу это видеть» – написала она.

Он её, конечно, заметил. Как можно не заметить рыжую девочку, самое яркое явление в этой местности? Но это было лишь «о, какая рыжая!» и не более того. А потом ещё добавилось «чеканутая девчонка какая-то». И когда бы он ни приходил сюда, тут же появлялась она. И сидела в толпе вечно гогочущих девчонок, и не отрывала от него жутковатых голубых глазниц, и не замечала подколок подружек и усмешек пацанов, и времени тоже не замечала.

Нет бы подойти, познакомиться, поговорить, улыбнуться. Но она не мечтала ходить с ним на танцы или целоваться в дубовой роще. Не верила, что такое возможно? Он нужен был ей вот так, на расстоянии. На расстоянии, достаточном, чтобы любоваться его мальчишеской весёлостью, лёгкостью, жизнелюбием. Она смотрела и сохраняла в себе каждое движение, завораживающее её: как он наклонял чуть набок голову, взмахивал длинными руками и самое главное, как – бежал. Бежал, бежал, бежал...

Шли дни, больше всего она страшилась приближающейся осени: он уедет в город, и у неё начнётся тоска. У неё и так бывало что-то подобное в те дни, когда не удавалось понаблюдать. Её ничего уже не останавливало... бежала в дождь до самого школьного стадиона, непонятно на что надеясь. Его не было. Тогда она вернулась домой и пыталась его нарисовать простым карандашом, хоть рисовать никогда не умела.

«Он уедет, и я не скоро его увижу. Если вообще увижу! И как же я буду тогда жить! Всё станет серым. Пока он здесь, нужно запоминать его, впитывать в себя – смотреть, смотреть, смотреть...»

– Вот больная на всю голову! – хотела запричитать мать, но только тяжело опустилась на старую табуретку, укрытую грязной вязаной салфеткой, и стянула через лоб грязную косынку. – Вот позор на мою голову!

И прижала ко рту пёструю скомканную тряпку с запахом коровника, продолжила бегать глазами по нервным строчкам в тетради.

– Как же она будет жить! Вот бестолочь! Серое ей всё, зачастила в центр ходить... Я-то думала: чего? Ох, это ж мне теперь там и показываться нельзя... небось уж все бабы ржут!

Она комкала грязными руками тетрадь, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону и глядя в одну точку маленькими сизыми глазами. На пороге появилась дочь.

– Что ты делаешь? – слова застревали где-то в горле, замерзали в груди. – Мама, что ты делаешь? Ты мою тетрадь что ли взяла? Мама, что ты молчишь? Мама, чужое читать нельзя!

Женщина повернула в её сторону лицо и так замерла, глядя то ли с отвращением, то ли с отчаянием. Дочь оцепенела: объяснять что-то бесполезно, проще признать себя дурочкой. Но может, мама спросит, кто этот парень. У неё ведь тоже это было когда-то, в юности...

– Мама, у тебя ведь была первая любовь? – осмелела она.

– У всех была, – мать поднялась, не желая продолжать разговор. – Но ты – ненормальная какая-то. Больная.

И ушла во двор жечь тетрадь, чтобы этого позора никогда никто не увидел. А её закрыла в комнате. И со двора решила не выпускать до самой осени.

На три секунды дольше

Сначала она послушно сидела читала книжки, надеясь, что мать всё же выпустит её, передумает. Но каждую минуту могла думать только о том, что всего-то за три километра от неё есть он. Самое красивое на свете существо. Но почему красивое? Она наконец попыталась разобраться: руки и ноги чуть длиннее положенного, волосы вечно лохматые, с лица только исчезают царапины, как сразу появляются новые, да ещё и ссадины на ладонях. Но ведь в этом всё и дело. Он как будто подзаряжен иначе, чем другие. Поэтому и летать умеет: ещё немного и, кажется, поднимется над всеми, ему нужно только попробовать.

В предпоследний день лета она не выдержала. Проходить через двор было опасно – там возилась мать – поэтому выбралась в окно. И помчалась по улице в том виде, в каком была дома: старое ситцевое платьице выше колен, тапочки... соседские ребятишки покосились на её тапки. Слишком заметно, что из дому сбежала! Она скинула их и выбросила в заросли кустарника, тянущиеся вдоль обочины. Лучше уж босиком, хоть земля уже не такая горячая, как была месяц назад. «А вдруг он уже уехал?» – подумала она с ужасом и ускорила.

Летающий мальчик. Когда-то невозможно будет смотреть на него, затаив дыхание. Закончится лето, потом закончится юность, и он перестанет быть похожим на птицу. Может, даже отпустит пивной живот, или наоборот станет следить за собой: обрядится в деловой костюм и гладко зачесет волосы. И перестанет улыбаться. Не совсем, конечно. Он будет улыбаться одними губами или даже одним уголком губ – холодно, натянуто. А глаза перестанут так радоваться. Так обычно смеются дети, парня с такими глазами она повстречала впервые. А уж у взрослых, скучных, солидных людей их просто не могло быть.

Мама сказала ей, что она – ненормальная. Так, скорее всего, думают и все ребята в селе. И, наверное, стоило остановиться и прекратить следить за ним. Со временем все забудут. Нет-нет, пусть уж лучше считают сумасшедшей, пусть уж лучше смеются. Пока она может, она будет смотреть на него, так, что каждое его движение повторяется где-то внутри.

На школьном дворе было непривычно тихо, как будто всех ветром сдуло. Обычно крики и хохот отсюда разносились на полсела. Девочка обежала вокруг красного кирпичного здания: на стадионе кто-то был. Подошла ближе: пацаны сидели на корточках, сбившись в кучу, девчонки стояли невдалеке и, как ни странно, молчали – все! Летающего мальчика среди них не было. Уехал! Сердце оборвалось, всё он уехал... Теперь только через год, может быть... Она посмотрела на мальчишек, те заметили вопрос в её глазах и ответили, несколько человек сразу, как будто одним на всех хрипловатым голосом: «умер»

Она чуть приподняла руки, помедлила, развернулась... пошла, побежала. Не хотела скорбеть вместе с ними, потому что это было её личное горе, которое – она так думала – не понял бы никто.

И опять она стала одиночкой. Ребята из села, как она вдруг заметила, оказались тупыми, как пробки: девчонки – вульгарными, бестолковыми хохотуньями, пацаны – начинающими свой унылый путь алкоголиками. Приземлённая серая масса – вот кто они были.

Начался учебный год, и эта серая масса вдруг потянулась к ней, окружила её.

«Я не понимаю, что происходит. Я каждую минуту ищу подвох. Что им всем от меня надо? Я не отличница, списывать у меня нечего. Я не красавица. Хотя... В последнее время меня не покидает необычное ощущение... Странно, но я так нравлюсь сама себе! Мне так нравятся мои коленки, они такие стройные. Мне так нравится моя талия, особенно изгиб там, где спина. И глаза... Не отрывалась бы от зеркала. Девчонки сказали, неестественно синий цвет, как будто это линзы. И мне так приятно стало. У меня самые красивые! Только волосы

ужасные, рыжие, мама не разрешает их красить, но это она пока не разрешает, а потом я буду делать всё, что захочу. И уеду уже навсегда из этой деревни!»

– Лика, беги! – пронзительно рявкнула противная короткостриженная училка со свистком на груди. Сразу три класса малокомплектной школы сдавали нормативы по прыжкам в длину. Девочка ненавидела физкультуру, а особенно – прыжки в длину с разбега. Допрыгнуть до самой первой отметки было непросто, а это был лишь – «тройк». Вторая и третья чёрточки виднелись где-то вдали.

Она одернула белую футболку и сглотнула: ладно, минута позора и всё закончится.

– Лика, беги уже! – и свисток.

Она побежала... сначала как обычно. Ступням становилось всё легче-легче-свободней-смелей... Она мчалась вольно, непринужденно, рассекая тонкими коленями воздух, который стал вдруг так приятно ощутим, и, казалось, готов был подхватить её, стоит только оттолкнуться. Острые локти чувствовали этот воздух, его хотелось схватить ладонями. Оказалось, что она легче этого воздуха. Она донеслась до песочницы для прыжка и, чуть коснувшись носками доски, оторвалась... И полетела.

«Что это со мной?» – она спросила уже потом. А пока она летела, ни страха не было, ни изумления. Держаться на воздухе, рассекая его – возможно, хорошо и светло. Немного прохладно. Приземлилась сразу за песочницей, также – одними носками. И не упала на задницу, как обычно это случалось, а оттолкнулась и побежала, руками убирая кудри с приподнятого вверх лица. И вместо привычных усмешек сверху она услышала галдёж за спиной. Потому что это даже не «пятёрка».

Эта лёгкость поселилась в ней, Лика видела её и ощущала. Лёгкость была чем-то светлым и прохладным. Когда она бежала, она как будто превращалась в ветер или в... птицу. А ещё она физически ощутила в себе то, что называют обаянием, чувствовала, когда оно «работает», распространяясь на окружающих людей и захватывая их. В такие минуты не мешало даже то, что волосы – рыжие.

Сбежавшие из деревни

И вот она вся такая милая, обворожительная, умная, не похожая на других, жизненная энергия бурлит через край. Ей почти восемнадцать, и учёба подходит к концу. Конечно, она может то, что не под силу и не по уму другим. Конечно, она родилась не для того, чтобы чистить за коровой и, не разгибаясь, полоть грядки. А мать вдруг оказывается другого мнения.

– Сегодня слыхала, в селе гусиную ферму открывает какой-то приезжий. Бабы радуются, хоть работа будет. И тебе тоже без дела не сидеть. Беги скорей узнавай, что там с местами. И не тяни, пожалуйста! Много желающих будет.

– А я сразу после выпускного уезжаю.

– Куда намылилась то?

– Я в город уезжаю, – невозмутимо сказала Лика, поправляя кудряшки за ушами, полностью занятая отражением своих глаз в зеркале.

– Учиться что ли? – растерялась мать.

– Ну... учиться-не учиться... а работать я точно буду в городе. И жить в городе. Нечего тут делать. Пусть эти тупицы, мои одноклассники, остаются гусей пасти. Вряд ли они ещё что-то смогут, только помёт убирать.

– Так ты ж тоже ничего не умеешь! Что тебе на месте родном не сидится? На приключения потянуло? Ты на себя посмотри! У тебя на лице написано, что ты из деревни. Кому ты там нужна! Потаскаешься и приползёшь. Ещё и опозоришь на всю округу.

Лика чуть улыбалась, упираясь кулаками о старенькое трюмо, помрачнела, сдвинула брови, опустила голову, круто развернулась.

– Я никогда! Ты поняла? Никогда не вернусь в эту деревню! Я не пропаду там. А если и пропаду, то это лучше, чем жить так.

Одноклассницы на выпускной пытались изобразить принцесс. Двум девочкам в городе родители купили «бальные» платья. Они неосмотрительно похвастались перед подругами за две недели до праздника. Те отчаянно кинулись за «такими же, но подешевле» в районный центр на распродажу. С восторгом напялили на себя ворох подъюбников. От поролоната потели ноги, кружева плохо прикрывали груди, корсеты впивались в спины. Они говорили, что в этот вечер стоит потерпеть, что красота требует жертв, что второй раз принцессой доведётся быть лишь на свадьбе, и это будет – последний раз. Они обнимались и плакали от переизбытка чувств. Когда начались танцы, они изо всех сил трясли кринолинами, периодически вытирая со лба пот. Но – ах! – усилия были напрасны. Парни, кутившие в стороне, не хотели танцевать, не восхищались грациозным покачиванием длинных пышных юбок. Они глуповато пялились на голые ноги не танцующей Лики. Она, сжав колени – её ярко-синее платье иначе слишком высоко задиралось – облокотилась о стол и крутила в руке полупустой бокал.

– Как же эти курицы не понимают, что их оперение отвратительно! – про себя вздыхала она. – Да ну их к чёрту! Завтра рано вставать, чемодан уже собран. Прощай, деревня! Процветай уж как-нибудь без меня.

Дух захватывало от предстоящей свободы. До совершеннолетия Лика жила как вакууме. Её окружали одни и те же люди, одни и те же дома, деревья, заборы. В этом мирке из двух-трёх близлежащих деревушек ей был до отвращения знаком каждый квадратный метр. Для неё там закончился воздух, последние дни она терпеливо растягивала частицы того, чем ещё можно было дышать. Чтобы продолжить жить, ей необходимо было вылететь из этого ограниченного пространства и вдохнуть нового воздуха – пусть и с едкими привкусом городских улиц: суеты, толчеи и выхлопов дыма. Она с интересом пробовала этот привкус, раздувая ноздри, болтая

лёгким – почти пустым – чемоданчиком и с любопытством оглядывая витрины и баннеры. Она обошла уже несколько остановок в поисках нужного объявления. Лика искала себе хоть какой-то угол. Живя в деревне, она и не предполагала, сколько просят за съемную квартиру, взяла с собой все свои сбережения, а их не хватало даже на комнату в общежитии. Она знала, что скоро что-то заработает, но сейчас – устала, хотела спать и есть. И вообще вдруг откуда ни возьмись на неё нашла вялость и небывалое бессилие. Горели щёки, особенно под глазами, от этого девушка чувствовала себя разбитой и крайне непривлекательной, глаза сами собой закрывались на ходу.

– Что с тобой?

Лика вздрогнула и приподняла голову. Она сидела на пыльной скамейке в каком-то то ли полупустом сквере, то ли дворе, рядом с заваленным мусорным баком. Лика сначала почувствовала запах гари из мусорки справа от себя и запах молочных конфет откуда-то сверху. Потом увидела светло-русые волосы, их кончики почти касались её колен. Лика подняла глаза выше-выше-выше и увидела вздёрнутый нос и нежные, как у ребёнка, щёки, встревоженные глаза и прямые как стрелы реснички. Девушка с облегчением сказала:

– Ух, я хотела уже звонить «03»

– Не стоит, мне лучше, просто устала.

– Странное место для отдыха, – тут она заметила чемодан и рассмеялась, потому что в её руке был такой же.

– Тоже абитуриентка и ищешь, куда заселиться?

– Нет, не абитуриентка. Я работу ищу и жильё.

– А я в институт искусств поступаю. Я рисую, – она чуть покраснела. – Слушай, у меня идея. Давай вместе снимать квартиру.

Лика вообразила, что перед ней сейчас стоит ангел. Длинная летящая юбка, топ закрывает только грудь, лицо по-детски очаровательное. Она разделила на двоих её проблему. Вялость и гадкое чувство отвращения от себя самой – отпустили. По всему телу тёплой приятной волной прошло ощущение радости, в ногах появилась прежняя твёрдость, в руках – ловкость, в голове – ясность. Теперь всё будет хорошо. Вместе с подругой можно горы свернуть. И так хорошо, что она не похожа на девочек из её деревни!

Дарина, так звали подругу, оказалась тоже из глухого села. Тоже одна из тех, кому нет применения на ферме, зато есть какие-то иные стремления. Она внесла большую часть суммы за квартиру и пообещала Лике нарисовать её портрет. Лика сказала, что сначала она осветлит вульгарную копну на своей голове.

Она давно мечтала стать блондинкой: казалось, это идеал красоты и воплощение изящной нежности. Ярко-голубые глаза и белые кудри – как в журналах.

Рассвет, или Девочка, которая умеет радоваться солнцу

Пока Дарина сдавала вступительные экзамены, Лика продавала цветы. Это была первая идея, кем пойти работать, и получилось неплохо. Все, кто заходили за одной розочкой для любимой, уходили с пышным букетом и улыбкой, полной предвкушения радости. Она понимала, что может убеждать мужчин, не используя аргументов, уговоров или каких-то хитростей, кроме своей чарующей силы. Покупатели читали ей стихи, называли «волшебной феей», просто задерживались поговорить о погоде, а потом возвращались снова и снова, опять делали комплименты и шутили и уходили с душистыми охапками к удивлённым жёнам.

Лика просыпалась к семи утра на работу. Дарина в это время была уже умыта, причёсана, допивала ромашковый чай, собранный в её деревне. В глазах ни тени сна.

– Во сколько ты встаёшь? – поражалась Лика.

– Стараюсь к рассвету быть уже собранной.

– А зачем: к рассвету?

– Привычка. Я ведь из деревни, а там лучшее время – раннее утро и вечер. Это днём, в жару, можно выспаться часок-другой, а утром нельзя пропускать ни минуты, мир в это время особенно хорош.

Лика покачала головой и поплелась заваривать кофе. Она прежде кофе не пила, и теперь наслаждалась всеми радостями нормальной человеческой жизни. Запах ромашки был напоминанием о невольном восемнадцатилетнем заточении в «дикой» местности. Дарина ей нравилась, и даже эти её дикарские замашки, всё-таки, она не была похожа на её прежнее окружение. Они почти ни в чём не соглашались друг с другом, но всё равно продолжали говорить много и обо всём.

Лика не скрывала своё честолюбие, своё желание нравиться людям. Подруге она призналась, что в те минуты, когда весь её облик выражает скромность, участие и интерес к окружающим, внутри себя она лишь торжествует от очередного комплимента. Она хотела добиться успеха во всём и чувствовала, что способна на это.

Дарина любила запах свежескошенной травы, земляники и дождя, и мечтала научиться изображать природу, предметы и явления так, чтобы созерцающие рисунок слышали запах. Особенно – запах дождя! Поэтому обязательными атрибутами в работе были дождевой плащ и зонтик. В непогоду она отодвигала все дела, шла на улицу и набрасывала в своём блокноте карандашом косые короткие полоски.

А Лика опять писала: «Мне часто кажется, что у меня внутри – магнит. Я чувствую даже эту точку, где накапливается такая энергия, она обладает магическими свойствами. Иногда произвольно, иногда нарочно я как бы позволяю этой энергии распространяться, и тогда вокруг меня образуется поле. И я чувствую, как это поле захватывает людей, они начинают по-особенному смотреть на меня. Кто-то смущается, кому-то становится хорошо находиться просто рядом, кто-то готов наброситься, но я и это могу контролировать. Это так странно, так пугающе и так – хорошо...»

После нескольких химических обработок Лика наконец-то стала настоящей красавицей. Огненно-рыжие кудри удалось осветлить до светло-золотистых. От гадких веснушек не осталось и следа. От прежнего образа только – ясно-синие пронизывающие собеседника глаза. Она жалела только о том, что это не может увидеть «летающий мальчик». Может, «летавший мальчик»? Нет, теперь-то уж точно – летающий. Она сотни раз вообразила себе такую сцену: он жив и случайно встречает её на улице... наконец, влюбляется... или лучше так: он и раньше был

в неё влюблён, просто не мог подойти по какой-то причине... Но во сне она видела одно, навязчивое: он бежит, бежит от неё, падает и перестаёт дышать. Она хочет заплакать, но почему-то взлетает. Так она взлетала каждую ночь. И росла. Росла: становилась всё умнее, интересней и обаятельней. Как-то утром полёт закончился раньше прежнего. Лица лежала с открытыми глазами, сон не шёл. Подруга в это время обычно уже не спала.

Лица остановилась в дверях. О Господи, что делает эта странная девочка? Ну, судя по всему, встречает рассвет. Дарина была у окна, выходящего на восток. Солнечные блики играли на подоконнике, перебираясь на стены. Она, как пятилетняя девочка, ловила их ладонями. Пятно света на тоненькой ладони росло, светом наполнились пальцы. Тёплое сияние поднималось выше-выше по руке, до самой груди, шеи. И вот она засветилась вся. Вся! От макушки до пят. У окна стоял солнечный силуэт. Не чёрная тень на фоне ослепляющего потока, а ослепляющая фигура, вобравшая в себя все лучи, какие могли запомнить комнату. Как солнечный зайчик, только в виде девушки. У Лицы перехватило дыхание, только поэтому она смотрела – молча, опираясь о дверной косяк. Это было очень страшно, но и очень красиво. Жутко красиво.

– Дарин, Дарин! – воскликнула она, когда наконец прорезался голос, и пошатнулась. Ослепительная картина сменилась темнотой. Она сползла по косяку.

И опять Дарина склонилась над ней, как перед их знакомством. Два взволнованных глаза и длинные волосы – до пола, потому что Лица была на полу.

– Что с тобой?

– Что со мной?! Что ты делала, Дарин?

– Ничего особенного.

– То есть, по-твоему, ничего особенного!

Подруга, с виду такая прямая, искренняя и открытая, искусно обманывает её, скрывает какую-то непонятную тайну?

– Я стояла у окна... – начала Дарина.

Или это просто так упал свет, а у Лицы разыгралось воображение? Или Лица сошла с ума? Но Дарина, явно, не заметила, как только что превращалась в светящийся сосуд.

– Я просто радовалась.

– Радовалась?

– Я радовалась солнцу.

По выходным Дарина делала наброски её портрета. Она хотела, чтобы это была одна из её лучших работ.

– Ты красивая. Благодаря таким, как ты, рождаются шедевры.

– Шедевры рождаются благодаря таким, как ты. Красота со временем проходит. Тем более, что она у меня ненастоящая: я на самом деле рыжая и страшная. А ты с годами будешь свой талант только оттачивать. Лучше бы я умела что-то делать так, как ты рисуешь. Тебе ведь, Дарин, это нужно как будто только для себя. Просто для наслаждения от творческого акта. А мне...

– А ты бы хотела на таланте заработать свои миллионы? – засмеялась Дарина.

– Ды нет, – Лица чуть подумала. – Скорее, признание. И не ради того, чтобы мной восхищались – хотя и это важно! – как затем, чтобы заставлять людей испытывать определённые эмоции. Определённые – мной.

– Хочешь управлять сознанием масс? – опять засмеялась подруга.

– Поверь, я бы сеяла только доброе и светлое.

– Ну-ну... погоди, ты не знаешь, какой ты будешь тогда.

– Но пока я умею лишь продавать цветы, – вздохнула Лика. – Силы есть, боюсь их зря растратить.

– Не шевелись, пожалуйста!

У Дарины волосы доставали до пояса, а спина в этом месте была открыта. Волосы гладили спину, плечи – она никогда их не закалывала. Дарина что-то быстро заштриховывала карандашом. Глаза... в них был тот самый свет. И она понемногу излучала его, глядя на Лику. Лике становилось тепло и как-то по-особенному хорошо.

– Знаешь, как я буду тебя теперь называть? Девочка, которая умеет радоваться солнцу.

– Почти как «ёжик-друг-медвежонка», – опять рассмеялась Дарина. – Может, хотя бы «Девочка, которая радуется солнцу»?

– Нет. «Которая умеет радоваться...» Это важно! Не все умеют, даже, я бы сказала, немногие. Это тоже дар.

А про себя подумала: Я тебя люблю за это – больше всех.

– Мне было года четыре. Крутилась рядом с бабушкой, когда она возилась в огороде. Точнее, это прабабка моя была, но я её бабушкой всегда звала. Так вот, однажды она мне сказала «бери радость у неба и силу – у земли» Я запомнила, очень уж меня это впечатлило. Сейчас так и делаю.

– А-а-а... ромашковый чай, дождь, утро... понятно. Ты настоящая деревенская девушка, не то, что я... В хорошем смысле, конечно! Для тебя это не просто образ жизни, а целая философия. Ты смогла бы там жить. Потому что тебе кроме этого ничего не нужно...

– Теперь нужно, – прошептала Дарина и смутилась.

Лика вся напряглась. Что она имеет в виду? Радоваться сейчас или успокаивать её? Неужели она чувствует что-то подобное? И – нормально ли это?

– Хочешь, я тебя с ним познакомлю? – смущённо спросила Дарина, не отрывая карандаш от бумаги. И Лика с ужасом поймала себя на том, что почувствовала горечь. И ревность – впервые. Это оказалось больно.

Притяжение

«Да что он в ней может понимать?! Какой-то без башенный студент, уличный музыкант... не сомневаюсь, что самоуверенный тупица. Что он может понимать в „девочке, которая умеет радоваться солнцу“? Зачем он появился?»

«Лучше бы он ничего не понимал! Зачем он появился!»

Избранник Дарины с первого взгляда вызвал у неё тревогу и злобное недоверие. Он слишком много говорил. Не всё в тему, но всё – с улыбкой обаятельного подонка. Этаким захватчик женских сердец. Насколько это работало с другими, Лика не поняла, но одно-то сердце он покорила. И это было сердце её девочки, которой она ни с кем не собиралась делиться.

– Да и какое имя, ты только подумай, Дарин, «Гоша»! Что можно хорошего ждать от человека с таким именем? И вообще, по-моему, он цыган.

– Только наполовину.

Лика махнула рукой: что тут поделаешь? И пел он отвратительно. Но в своей группе почему-то считался солистом, насколько это возможно в группе из двух человек. Где-то на задворках болтался вихрастый светловолосый парнишка. Его голос был поинтереснее, Лике слышались в нём даже какие-то ласковые нотки, если это вообще может быть в голосе двадцатилетнего мальчика.

У Гоши голос был резкий, с привизгом. Девчонки, сбившиеся послушать, пищали от восторга. Дарина улыбалась: он выбрал её.

«Нет-нет-нет, нужно что-то делать с собой. Он так бесит меня только потому, что я дико ревную к нему Дарину. Я слишком, чересчур субъективна. Я не должна быть такой...»

А его товарищ симпатичен только тем, что похож на моего «летающего мальчика». Чем похож – не пойму. Кажется, цветом глаз. Ну и немножко – походкой. Забавный такой, и слишком много ржёт: по поводу и без повода.»

Лика с трудом преодолевала желание обвить тонкими руками изящную гибкую талию подруги. Дарина, к тому же, как на зло, обожала короткие майки, которые не скрывали милую вертикальную ямочку на животе. Лика рядом с ней не чувствовала, кто она: женщина или мужчина. Она ощущала, что рядом находится безумно притягательное существо, хорошее даже не нежной кожей, не мягкими волосами, не стройными хрупкими плечами, а тем самым магнетическим свойством, которое может увидеть только она, Лика. Этот магнетизм сквозил в движениях рук Дарины, когда она гребнем проводила по волосам, в изгибе губ, когда она слушала своего уличного музыканта. Она не знала, чего именно хотела с ней сделать: поцеловать, крепко сжать, спрятать, чтобы её никто другой не видел... но она боялась испугать подругу. Дарина была всего месяцем моложе, но казалась ей маленькой девочкой. Маленькой мудрой девочкой, надо сказать.

Она хотела сеять мир вокруг себя, хотела, чтобы вокруг было много-много друзей. Хотела гулять ночами дружной толпой, подпевать ребятам с гитарами, общаться и считать свою компанию самой лучшей и дружной.

– Я хочу, чтобы мы все вместе проводили время, – говорила она Лике. – Я люблю тебя (при этих словах Лика помрачнела, потому что речь шла не о такой любви), люблю своего парня (укол ревности) и даже его друга немножко люблю, так.. ну, ты понимаешь?

– Понимаю.

В итоге, ей удалось уговорить всех троих выбраться на окраину горда под предлогом набросков для пейзажа. Ну не пойдёт же она одна. Парни взяли свои гитары, шашлычницу и котелок.

За гордом был редкий лес, овраги. Художница разложила походный мольберт на вершине одного из холмов. Митька, так звали того самого друга, который подпевал Гоше, возился у костра, Лика и Гоша устроились у подножья соседнего холма: отсюда открывался красивый вид – рисующая девушка. Длинные-длинные светло-русые волны, длинная юбка и до одурения плоский животик.

– Я не знаю, что там за пейзаж получится у неё, но, по-моему, всё равно прекрасней будет этот портрет, – сказал Гоша, прижимая глаз к фотоаппарату. – Она невероятна.

Лика сама не отрывалась от этой картинки: синее небо, белые облака и белая юбка. Чуть только выбился из-за плотных облаков луч и упал на неё... Дарина, как тогда у окна, превратилась в сверкающий золотом силуэт. Очень красиво, и очень жутко. И пока плотные, как накрахмаленные простыни, облака снова не затянули солнце, не было видно ни лица её, ни одежды. Солнечная энергия распределялась по всему её телу, и Лика видела это!

Она вздрогнула и оглянулась на Гошу: а видит ли он? Парень спокойно курил и, прищурившись, рассматривал Лиду.

– Ты опасный человек, Лика, от тебя нужно держаться подальше.

– Мне кажется, и от тебя тоже, – ничуть не удивилась и не разозлилась она. Ещё некоторое время они молчали.

– Ты ведь тоже это чувствуешь? – невозмутимо спросила она так, будто они оба знают то, чего не могут знать другие.

– Ну, наверное, да. Именно то.

– А ты не боишься, что мы так её просто сожрём? На двоих-то не хватит.

– Что ты предлагаешь? – он закурил вторую.

– Предлагаю тебе исчезнуть с горизонта. Вместе мы её погубим.

– Ты и одна её погубишь, так что лучше исчезни ты.

– Не дождёшься. Я её подруга.

– А я её парень. И она меня любит.

С этим аргументом не поспоришь. Лика хотела было сказать «А я люблю её», но вспомнила, что это считается ненормальным. В обществе.

Митька приготовил шашлык, заварил в котелке чай, который взяла с собой Дарина, и сидел себе на брёвнышке – напевал, обняв гитару. Так, как будто ему никто на всём свете не нужен. Щурился, поглядывая на облака и улыбался.

– Эй, чего ты нас не зовёшь? – подбежал Гоша и хлопнул его по плечу. – Дарин, солнышко моё, тебе долго ещё там?

Дарина сложила мольберт и бегом спустилась по холму к ребятам, подхватив длинный подол.

Они мало знали друг друга, у них не было общих интересов, общих знакомых, интересного прошлого, поэтому они заговорили о планах на жизнь.

– Веселиться, – отрезал Митька, махнув шевелюрой. – Песни, девочки, алкоголь.

– Писать пейзажи и немножко – портреты, – засмеялась Дарина. – Ну, вы и так уже поняли...

– Записывать альбомы, давать концерты, рубить бабло, раздавать автографы, и чтоб девчонки ссались от меня, – гордо улыбнулся Гоша так, будто всё это было у него уже в кармане.

– А я буду президентом, – отшутилась Лика. На самом деле, она просто ещё не решила этот вопрос, а бурлящую в ней энергию надо было срочно куда-то направить. Вдруг её озарило:

– Давай, Дарин, я помогу тебе стать знаменитой... ой, нет, не так... помогу всем увидеть твои картины. Я отлично умею продавать. Хозяин киоска, где я продаю цветы, планирует расширяться, потому что клиентов поток большой, как никогда...

– А что ты для этого делаешь, – заинтересовался Гоша?

– Я улыбаюсь.

– Ну.. это даже не смешно! – разочарованно ухмыльнулся он. – Все продавцы улыбаются, даже, когда их всё бесит, и немногие на это ведутся.

– Ты не понял. Я по-другому улыбаюсь... Одними глазами. Как... знаешь, как что...? Как ты улыбаешься, когда поёшь, а вокруг собирается толпа. У тебя голос противный, надо сказать, а толпа смотрит на тебя, и ты для них – бог.

Митька было захохотал, стуча кулаком по траве, но быстро угомонился. Дарина поёжилась.

– Голос противный? – Гоша вскинул брови.

– А разве нет? Постой, я тебе сейчас отдала должное – похвалила твоё обаяние. А голос у тебя, и правда, никудышный. Лучше бы ты молчал.

– Ой, а сама чего... красавицу из себя строит тут... Да твои покупатели, если бы видели тебя не крашенную, обделались бы от страха и никогда бы не появлялись.

Дарина вся согнулась, обхватив себя руками, будто у неё болью свело рёбра. Зубы застучали, плохо попадая друг на друга. Митька забеспокоился.

– Нет-ничего-со-мной-такое-бывает, – выговорила она, напрягая челюсть. – Когда-мне-холодно.

– Ничуть не холодно, – удивилась Лика, поправляя широкополую шляпу. Шляпу она носила теперь всегда: берегла лицо.

С Дариной такое уже случалось – отметила про себя Лика. Особенно, когда они были все вместе и Лика с Гошей сцеплялись между собой. Дарина нервничала, начинала комкать бумагу со своими набросками. Она не умела громко психовать: расшуметься, хлопнуть дверью, но её заметно начинало поедать внутреннее беспокойство. Успокоить бы, но это могло смотреться по-дурацки снисходительно. Да и не до того было Лике: у неё-то от таких стычек с Гошей напротив прибавлялось сил и настроения. Как ни странно – у него тоже.

Светлая печаль

Когда у Гоши появилась другая барышня, Лика узнала об этом первой – увидела их на улице после работы. Гоша поддерживал девочку за спину, она откинулась, насколько это было возможно. Фото получилось достойным обложки любовного романа. Лика сначала несдержанно торжествовала, снова и снова прижимая палец к сенсору мобильного. «Пусть будет много доказательств того, что он гад» Потом задумалась: как лучше сообщить печальное известие подруге? Так, чтобы без лишней радости. А ведь она всегда-всегда знала, что не принесёт он Дарине счастья...

Дарина округлила глаза.

– Нет-нет, не может такого быть!

– Ещё как может! От мужчин ещё не такого можно ожидать!

Она хотела бежать, позвонить, найти его, спросить... чего спросить? На фото явно не появившаяся неожиданно сестра и не «просто подруга». Просто друг так не целуют... Спросить: как он мог?

Нет-нет, ни в коем случае не должна была эта сцена предстать перед ним. Не должен он видеть и слышать её эмоций, растёртых по щёчкам слёз, возгласов и резких движений. Потому что – всё должно достаться ей, Лике! Она схватила за руку ринувшуюся к двери подругу, притянула к себе и стиснула «Не пущу тебя. Не пущу тебя. Не пущу»

Дарина дёрнулась и затихла. Она плакала прямо на груди у Лики. Лика гладила её спину. И по мере того, как затихала «девочка, которая умеет радоваться солнцу», по мере того, как пустели её глаза, Лика шире расправляла плечи, по которым шло бодрящее тепло – к самому сердцу.

Ей помогали прийти в себя долгие прогулки по городу в одиночестве, только с альбомом и карандашом. Любимый ромашковый чай и рассветы.

Лика не решалась больше наблюдать – как она это делает. Пусть Дарина одна совершает этот странный магический ритуал. Главное, что энергии хватает на двоих. Лика уже отдавала себе отчёт в том, что понемногу забирает у подруги солнечную энергию, поэтому старалась делать это осторожно – не отнимать слишком много.

Это почти не требовало усилий, достаточно было сосредоточиться и рассмотреть свет, струющийся из её глаз, от всего её лица, слегка напрячь ладони и очень чётко представить себе, как свет устремляется к ней и ладоням становится тепло. Свет поднимался по рукам к груди и заполнял Ликой радостью и уверенностью в себе. А когда она выходила из дому, казалось, что весь мир падает к её ногам. Мужчины очарованы её красотой, женщины – детской невинностью, старики – вежливостью. И даже те, кто ей откровенно противен, видят в ней «хорошую девочку».

Это был такой же свет внутри, как то, что помог ей однажды подняться над землёй как «летающий мальчик». К Дарине она чувствовала то же, что и к нему. Она также наслаждалась ею и тем, что тянула из неё и сохраняла в себе. Ей казалось, что это и есть любовь: нуждаться в ком-то, брать у любимого человека то, что давало ей силы, и наслаждаться.

Дарина страдала, но страдала как-то неправильно. Лика точно помнила, что страдают иначе, но объяснила это тем, что у неё в своё время повод был посерьёзнее. А эта девочка переживала свою драму как-то легко, поэтично, красиво. Под музыку застывала рядом с мольбертом, плавно поднимая голову и вглядываясь во что-то там, наверное, очень важное за окном. Так, будто эта её грусть – и есть тот самый итог, ради которого всё затевалось. Светлая-светлая грусть. Она ложилась на свою постель, сжимая плеер в откинутой, как под капельницей, руке.

Музыка, как лекарство, вливалась в неё через тоненький шнур наушников, тянувшийся по руке вверх. Она лежала вся такая печальная, разметав волосы и не замечая откинувшийся вверх подол платья. Лица зажмурилась, долго не решаясь обнаружить своё присутствие в затянутой сумерками комнате. Мучилась от ощущения совсем не дружеской какой-то любви. Она не была полностью уверена, что питает к ней чувства – как к девушке. Но тогда почему в этом пацане она так явно видела соперника? Тогда почему этот парень так раздражался от её присутствия рядом с Дариной? Или это у него к ней была не та самая естественная тяга как к женщине, а что-то ещё. И он тоже посягает на солнечную энергию? В любом случае – сейчас Дарина с ней, а он где-то затесался. И пусть бы не появлялся совсем... Как же хорошо стало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.